

ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ

ГЛОТНУТЬ ВОЗДУХА

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
О-70

Серия «Эксклюзивная классика»

George Orwell

COMING UP FOR AIR

Перевод с английского *В. Домитеевой*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Оруэлл, Джордж.

О-70 Глотнуть воздуха : [роман] / Джордж Оруэлл ; [перевод с английского В. Домитеевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 320 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-165649-2

Один из маленьких шедевров писателя, роман, совсем не похожий на «1984» и «Скотный двор», который познакомит вас с иным Оруэллом — мастером психологического реализма.

Эта книга пронизана духом Англии в период затишья между двумя мировыми войнами — затишья обманчивого, предгрозового, насквозь пропитанного предчувствием грядущей беды. Книга, в которой присутствующий Оруэллу сарказм соседствует с неподдельным лиризмом и реалистической глубиной образов.

Осознание того, что вся предыдущая жизнь — одна сплошная ошибка, однажды заставит Джорджа Боулинга — главного героя романа — вернуться в город детства, чтобы вновь испытать давно забытые чувства счастья и свободы и отдаться единственному оставшемуся в его жизни увлечению — рыбалке...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-165649-2

© Перевод. В. Домитеева, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Мертвец уже, а все ему нейдется.

Народная песня

Часть первая

1

Мысль эта у меня забрезжила в тот день, когда я получил свой новенький зубной протез.

Отлично помнится денек. Четверть восьмого я привычно выскочил из постели и успел вовремя закрыться в ванной от детей. Скотское январское утро хмурилось грязно-бурым небом. Через оконце ванной можно было сверху обозревать маленький, пять на десять ярдов, обсаженный кустами бирючины травяной прямоугольник с плешью посередине — «садик», как это у нас называется. Такие же садочки, те же кусты бирючины, та же трава позади всех домов на Элзмир-роуд. Одно различие — где детей нет, там плешь не вытоптана.

Пока набиралась ванна, я исхитрился брить щетину старым, затупившимся лезвием. Из зеркала глядело мое лицо, а ниже, на полочке, в стакане с водой лежали зубы для этого лица. Временная модель, которую дантист Уорнер дал мне носить до окончания работ над новой челюстью. Ну, лицом я не так уж плох: румяная,

с кирпичным колером физиономия из тех, что в ансамбле с парой голубоватых глаз и блондистой шевелюрой. Слава-те господи, ни седины еще, ни лысины, так что, когда зубы во рту, выгляжу вроде бы и помоложе своих сорока пяти.

Пометив в уме купить лезвий, я залез в ванну, начал мылиться. Намылил руки (они у меня такие, знаете, в веснушках до локтя), потом спинную щетку с ручкой взял тереть лопатки, их иначе-то никак. Вот горе горькое: прибавилось на теле мест, куда не дотянуться. Честно сказать, в полноту меня повело. Нет, я не то чтоб диво балаганное. Вес у меня всего фунтов под двести, а вокруг талии последний раз измерил — сорок восемь дюймов, ну, может, сорок девять, уж не помню. И не противный я, не «дико разжиревший», живот до колен не свисает. Просто я так это, широковат слегка, объемистый. Знаете плотных резвых толстяков, бойких симпатяг, которых награждают прозвищем Толстун или Бочонок, которые всегда и везде душа общества? Так вот вам я. Меня обычно называют Толстуном: Толстун Боулинг. А по-настоящему я Джордж, Джордж Боулинг.

Хотя тогда вот, в ванной, настроения не имелось общество веселить. Вообще подумалось, что вечно я теперь с утра не в духе, хотя сплю хорошо, желудок в норме. Ясно, конечно, почему — проклятые вставные зубы. Лежали на дне стакана и, увеличенные сквозь воду,

скалились, как в черепе. Паршиво чувствуешь себя, сомкнув голые десны, — весь ты какой-то смятый, скукоженный, будто кислого яблока куснул. И потом, что ни говори, искусственная челюсть — рубеж. Как удалят тебе последний зуб, так больше себя не надуешь, не почувешь красавцем, шейхом голливудским. Оброс салом и сорок пять годков. Собравшись ноги намылить, осмотрел я свои телеса. Это все ерунда, что толстякам ступней собственных не увидеть, однако же я, если прямо встану, то вижу только пальцы ног. Мылю я свой живот и думаю: да никто из бабенок на тебя бесплатно лишний раз не глянет. И не особо, доложу вам, в тот момент я жаждал женских взглядов.

Но что кольнуло — этим утром, казалось бы, мне точно радоваться. Во-первых, на службу не идти. Старый автомобиль, в котором я «окучиваю» свой участок (тружусь по части страхового бизнеса, агент «Крылатой саламандры»: жизнь, пожар, кража, кораблекрушение, двойняшки — страхуем все), этот автомобиль мой временно на ремонте, и хоть я собирался зайти в лондонский офис скинуть очередные бумаженции, но на сегодня отпросился, чтобы покончить с новыми зубами у дантиста. Ну и еще штука, насчет которой я уже просто голову сломал. Вы понимаете, вдруг привалило мне семнадцать фунтов, о которых никто не в курсе, то есть дома у меня никто. Откуда, сейчас расскажу. Парень один из нашей фирмы, Мэллорс, раздобыл книжку

«Астрология и скачки» с объяснением, как разгадать влияние планет по цветам на жокейской форме. А где-то там как раз должна была бежать Пиратская Невеста, лошадка неважнецкая, зато жокей в зеленом, в том именно цвете, который по звездам тогда самый счастливый. Мэллорс, прямо свихнувшись со своей астрологией, несколько фунтов на эту лошадь ставит и меня чуть не в слезах умоляет, чтобы я тоже. Так он приставал, что я в конце концов, против обычных моих правил, рискнул, поставил десять шиллингов. И ведь дотрюхала Пиратская Невеста первой к финишу. Забыл точный расклад по ставкам, но мне лично досталось семнадцать фунтов. Я как-то инстинктивно — сам от себя не ожидал: наверно, тоже житейский рубеж — денежки тут же в банк и ни гугу. Раньше такого со мной не бывало. Хороший муж и отец купил бы платье Хильде (Хильда — моя супруга), ботинки детям. Но я пятнадцать лет прожил хорошим мужем и отцом, уже по горло.

Намылившись от головы до пят и немного ожив, я сел в ванну поразмышлять насчет заначки — на что тратить. То ли, думаю, в уик-энд гульнуть с подружкой, то ли тихонечко транжирить на радости вроде сигар, двойных стаканчиков. Прикидывая насчет женщин и сигар, только я пустил воду погорячей, как по ступенькам перед ванной топот бизоньих стад. Детишки прибыли! Двое ребят в доме размером с наш —

это как пинта пива в полпинтовой кружке. По двери барабанный грохот с воплем:

— Папулечка, пусти, мне надо!

— Обождешь! Нельзя сюда.

— Ну пап, ну срочно!

— Срочно брысь от двери. Дай принять ванну.

— Папу-у-ля! Мне на-а-до! Мне *надо* кой-куда!

Что тут поделаешь! Сигнал тревожный. Как полагается в таких домах, клозет у нас, конечно, вместе с ванной. Я вытащил сливную пробку, наскоро обтерся, и, едва открыл дверь, малыш Билли — мой младший, семи лет — пулей пронесся внутрь, на ходу ловко увернувшись от подзатыльника. Я уже полностью оделся, искал галстук, когда обнаружил, что мыло-то с шеи не смыл.

Жуткое дело — засохшее мыло на шее. Ходишь, будто клеем обмазанный, причем, если не смыть, до вечера будет казаться, что весь ты в этой пакости. Настроение испортилось, вниз я пошел, готовый никому не спускать.

Столовая у нас, как у всех остальных на Элзмир-роуд, комнатенка футов двенадцать на четырнадцать, а то и меньше, в основном загроможденная японским дубовым буфетом с парой пустых графинов и серебряной подставкой для яиц, подарком тещи нам на свадьбу. Женушка угрюмо возилась около заварочного чайника, как всегда полная тревог и страхов, потому что

в «Новостях» объявили насчет повышения цен на масло или еще чего-то. Духовку она не зажгла, так что, хоть окна были наглухо закрыты, стоял зверский холод. Нагнувшись, громко за сопев (мне теперь без сопения не нагнуться), я с довольно явным намеком чиркнул спичкой и зажег газ. Хильда искоса метнула взгляд, которым она выражает недоумение от моей нелепости.

Хильде тридцать девять, в начале нашего знакомства выглядела она — точь-в-точь заяц. Такая и сейчас, только совсем худющая, подсохла, в глазах вечный испуг, вечное беспокойство, а если вконец расстроена, плечи горбом и руки скрестит на груди, как старая цыганка у костра. Она из тех, кого жизнь пришибает предчувствием грозящих бед. Мелких бед, разумеется. До войн, землетрясений, эпидемий, голода и революций ей никакого дела нет. Причитания у нее — масло дорожает, газовый счет огромный, обувь детская сносилась, опять подходит срок за радио в рассрочку. Со временем я понял: ей это прямо сласть — скрестивши руки на груди, раскачиваться и нудить: «Джордж, это же *очень* серьезно! Ума не приложу, что делать! Где взять денег? Ты, видимо, не понимаешь, *как* это серьезно!» В голове ее крепко засело, что кончим мы в работном доме. Между прочим, если мы впрямь докатимся, ей будет там раз в сто легче, чем мне, — наверно, даже испытает удовольствие от полной безопасности.

Дети уже были внизу, успев молниеносно вымыться и одеться, что им удается всегда, когда нет случая томить кого-нибудь за дверью ванной. Пока я садился к столу, они тягуче препирались: «Да-да, ты!» — «Нет, не я!» — «Ты!» — «Нет, не я!» И могли все утро тянуть эту волюнку, если б я не велел немедленно захлопнуть рты. У нас лишь двое: семилетний Билли и Лорна, ей одиннадцать. Чувство мое к ним специфическое. Частенько я даже их вид едва терплю. А разговоры их вообще невыносимы. Они в той скучной поре младших школьников, когда все мысли крутятся вокруг линеек, пеналов и у кого лучше отметки по французскому. Но иногда, особенно когда они уснут, во мне совсем другое. Бывало, что я стоял возле их кроваток летними лунными ночами, смотрел на них, спящих, на их круглые рожицы, кудельки еще светлей моих и ощущал что-то такое, про что в Библии говорится «взволновалась... внутренность... от жалости к сыну своему»¹. В подобные минуты я себя чувствую как сухой стручок с семенами, который сам пенса не стоит, нужен лишь затем, чтобы вот этих малявок на свет пустить, прокормить, вырастить. Ну, это изредка. Обычно-то свое отдельное существование видится мне довольно стоящим, я чувствую, что есть еще силенки и еще много светит впереди, и роль покорной загнанной скотины, дойной

---

¹ Неточная цитата: см. Третью книгу Царств, 3:26.

коровы для супружницы и ребятишек меня не манит.

Завтрак прошел в почти полном молчании. Хильду грызло ее всегдашнее «ума не приложу, что делать!», отчасти из-за новых цен на масло, отчасти потому, что кончались рождественские каникулы, а мы еще не уплатили пять фунтов за прошлый школьный семестр. Съев яйцо всмятку, я намазал хлеб «Царским золотым мармеладом». Хильда жметя с провизией, покупает дешевку вроде этой: пяток пенсов за фунт, на этикетке самым мелким шрифтом, что продукт утвержденный, «с добавлением нейтральных фруктовых соков». Тут меня стало разбирать, я довольно ехидно, как иногда умею, начал насчет того, где ж их выращивают, эти самые «нейтральные фрукты», в каких таких удивительных странах, что за плоды чудесные и прочее, пока Хильда не разозлилась. Не остроумие мое сочла тупым, просто ей всегда кажутся грехом насмешки над экономией.

Я просмотрел газету — ничего новенького. От Испании до Китая люди крошат друг друга, на вокзале нашли отрезанные женские ноги, свадьба короля Зога¹ может не состояться. Наконец, часов в десять, раньше, чем собирался, я вышел из дому. Дети убежали играть в городской сад. На крыльце мерзко дохнуло сыро-

---

¹ Ахмет Зогу (1895—1961), в 1928—1939 гг. король Албании.

стью, порыв ветра хлестнул по голой шее в за-
сохшем мыле, мигом дав ощутить, что одет я
не по погоде и весь покрыт гнуснейшей липкой
коркой.

2

Бывали вы на моей Элзмир-роуд в Западном
Блэчли? Да хоть и не бывали, наверняка видели
десятки точно таких же.

Все эти наводящие тоску улицы ближних
и дальних пригородов. Везде как под копир-
ку. Длиннющие ряды однообразных сдвоенных
домишек¹ (по Элзмир-роуд их числится 212,
наш — номер 191), уныло, словно по шаблону
казенных строений, и вообще безобразно. Ош-
тукатуренный фасад, пропитанная антисепти-
ком калитка, изгородь из бирючины, зеленая
входная дверь. Названия жилищ на табличках
либо «Кущи боярышника», «Лавровые рощи»,
«Цветущий мирт», либо «Бель вю», «Мон абри»,
«Мон репо»². Не чаще одного раза на полсотни
домов встретится такой наглый вызов обществу,
который демонстрирует субъект (кончит навер-
няка в работном доме), покрасивший входную
дверь не зеленой, а синей краской.

Ощущение липкой гадости на шее меня бук-

---

¹ Типичный для небогатых жилых районов дом на две
семьи, с общей задней стеной и выходами на разные сто-
роны.

² «Belle vue», «Mon abri», «Mon repos» — «Чудесный
вид», «Приют души», «Мое отдохновение» (*фр.*).

вально деморализовало. Интересно, как эта штука может опустить. Весь гонор вышибает, будто оказался вдруг на людях с оторванной подметкой. В то утро виделся я себе без прикрас. Словно со стороны глядел на самого себя, идущего по улице, — толстого, красномордого, с фальшивыми зубами, скверно и вульгарно одетого. Джентльменом такому малому не притвориться. За двести ярдов видно, чем я занимаюсь, — то есть не в точности страховками, но явно чем-нибудь торгую, что-то рекламирую. На мне же просто униформа нашего племени: слегка потертый серый костюм «в елочку», синее пальто за пятьдесят шиллингов, котелок, перчаток нет. И стиль у меня, как у всех, имеющих процент с продажи, развязный, пошлый. В лучшие минуты, когда я выходной костюм надену и сигару закурю, меня можно причислить к букмекерам или владельцам баров, а в худшие — к тем, кто таскается по домам и навязывает пылесосы, но обычно оцените вы меня правильно. Едва взглянув, скажете: «Выколачивает парень свои пять — десять фунтов в неделю». Материально и социально я, так сказать, типичный представитель Элзмир-роуд.

Шел я по улице фактически один. Мужчины успели уехать поездом 8.21, женщины тормозились возле плит. А когда есть время пройтись по этим ближне-дальним пригородам и настроение есть поразмышлять, так просто смех берет на счет всей здешней жизни. Ну правда, что это,

в конце концов, такое — улица вроде Элзмир-роуд? Тюрьма, тюремный коридор с рядами камер. Шеренга сдвоенных полуотдельных казематов, в каждом из которых дрожит, трясется бедолага «от-пяти-до-десяти-фунтов-в-неделю», чьи жилы тянет палач-босс, на чьей шее сидит супруга-ведьма, чью кровь высасывают деточки-пиявки. Все это хрень насчет страданий пролетариев. Я лично не особо их жалею. Скажите, попался вам когда-нибудь чернорабочий, что ночами не спит — боится увольнения? Страдает работяга физически, зато оттрубил смену — и свободен. Но в каждом из здешних отсеков горемыка, который не бывает свободным *никогда* и лишь в коротких снах мечтает о том, как скинет босса в шахту и завалит тонной угля.

Конечно, рассуждаю я сам с собой, кошмарный вывих нашего сословия, что мы воображаем себя владельцами чего-то очень ценного. Ведь девять из десяти на Элзмир-роуд в уверенности, что дома, где они проживают, их собственность. Хотя и наша улица, и весь квартал до Хай-стрит целиком в бандитских лапах домовладельческого общества «Сад Гесперид», принадлежащего строительной компании «Щедрый кредит». Вот эти «щедрые кредиты», надо думать, умнейший современный рэкет. И мое страхование, я признаю, чистое надувательство, но надувательство простое, откровенное. А шик таких строительных компаний — околпачить, убедив жертву в оказанном ей величайшем бла-